

“Украина может получить разрушенную в результате свободной торговли с ЕС промышленность, но украинцам все равно не разрешат свободно путешествовать в ЕС”, —

считает норвежский экономист Эрик Райнерт

Основатель международного фонда “Другой канон”, старший научный сотрудник Норвежского института стратегических исследований, профессор Таллиннского университета **Эрик Райнерт** широко известен благодаря своим неокейнсианским взглядам. В книге “Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными” он объясняет, почему в мире по-прежнему так много бедных и богатых, несмотря на все международные усилия по искоренению неравенства. Доминирующим сегодня либертарианским взглядам Эрик Райнерт противопоставляет уроки истории, которые свидетельствуют, что ключ к благосостоянию — это процветание обрабатывающей промышленности.

— Украина в настоящее время не только вынуждена преодолевать огромные проблемы, связанные с ее политическим самоопределением, геополитическими вызовами и хроническими дефицитами (как в платежном балансе, так и в системе госфинансов), но также испытывает острый кризис постсоветской экономической модели. Какой исторический опыт стоило бы взять на вооружение нашей стране, чтобы выйти на путь устойчивого развития экономики?

— Украина, и это очевидно, находится в очень сложной ситуации. К сожалению, люди на Западе, по моему мнению, не в курсе той разрушительной экономической шоковой терапии, которая была навязана России и Украине в 1990-х годах, что привело к первой волне деиндустриализации, а также сокращению численности населения.

Вашей стране предстоит сделать сложный выбор. С экономической точки зрения, “симметричная” свободная торговля (между партнерами одного уровня доходов и технологического развития) всегда была основным ключом к улучшению благосостояния. И Украине было бы лучше торговать с Россией, нежели открывать торговлю с ЕС. Поскольку свободная торговля с Европой может привести к существенному сокращению рабочих мест на производстве.

В идеальном мире — если бы Восточная Европа работала по успешной модели “летающих гусей” (страны Восточной Азии после Второй мировой войны) — бывшие республики СССР могли бы модернизировать свои производственные отрасли, увеличить

капитальную базу каждого работника, в то же время повысив заработную плату. И лишь затем медленно интегрировались бы в Европейский Союз. Именно медленная интеграция является успешной, что подтверждает пример Испании в 1980-х годах.

Это может быть слабым утешением, но ситуация на периферии ЕС — от Греции до Испании и Италии — ухудшается потому, что этим странам нужно сделать тот же выбор,

“Ни одна из богатых стран не достигала успеха в повышении уровня жизни своего населения, минуя период протекционизма”

что и Украине. И в какой-то момент эта проблема, вероятно, привлечет к себе всеобщее внимание.

В 1988 г. в Отчете Чеччини (Cecchini Report), который подвел теоретический фундамент под идею создания единого рынка, было сказано, что большинство выигрывает от этого рынка будет обусловлено снижением издержек вследствие экономии на масштабе. И такая экономия главным образом возможна в промышленном производстве. То есть при едином рынке выигрывают лишь те страны-члены, у которых развито производство! В данном случае Германия, конечно, является главным бенефициаром.

— Сейчас Украина — страна, экспортирующая в основном металлургическое сырье и зерно. Какое место мы можем занимать на международном рынке труда и капитала?

— Повышение зарплат зависит от добавленной стоимости экспортных продуктов. К примеру, нужно вывозить более сложную металлургическую продукцию и готовые сухие завтраки, а не зерно. Однако это проще сказать, чем сделать.

Запад избежал влияния худших проявлений неоллиберализма, но, к сожалению, там до сих пор превалирует примитивная вера в свободную торговлю. Немногие экономисты говорят своим детям: “Дочь моя, ты так здорово моешь посуду, это твое конкурентное преимущество. Ты должна сделать карьеру как посудомойка в ресторане”. На практическом уровне экономисты понимают, что качественные и количественные характеристики экономического роста — разные вещи. При этом те же самые люди обучаются в духе теории международной торговли **Давида Рикардо**, который еще в 1817 г. описывал международную экономику как систему обмена (бартера) трудовых часов одинакового качества. Этот аргумент использовался ранее, чтобы убедить колонии, что они не должны индустриализироваться. Теперь эта же теория используется, чтобы деиндустриализировать и обеднить европейскую периферию.

Ни одна из богатых стран не достигала успеха в повышении уровня жизни своего населения, минуя период протекционизма. Великобритания защищалась сотни лет, Корея, вероятно, около 40, но все они через это прошли.

— Исследования показывают, что Украина в ближайшие годы потеряет до 10 миллионов человек, которые уедут за границу (прежде всего в ЕС) в поисках стабильной работы и более высоких заработков. Не будет ли количество оставшихся рабочих рук по-прежнему избыточным для нужд украинской экономики, поскольку сельское хозяйство становится все менее и менее трудоемким?

— Судя по опыту Латвии, которую покинуло более 20% населения, трудовая эмиграция 10 миллионов жителей Украины кажется вполне вероятным предположением.

Кстати, я упомянул это количество людей, которые покинут деиндустриализованную Украину, на большой конференции в Брюсселе в конце февраля. На следующий день один из еврочиновников подошел ко мне и спросил: *“Мы же не должны принимать их у себя в Евросоюзе, да?”*. Так что вы должны быть готовы к тому, что Украина может получить разрушенную свободной торговлей промышленность, но украинцам все равно не разрешат свободно путешествовать в ЕС.

— В своих публикациях вы часто проводите аналогию бывшего советского блока с далекой Америкой XIX в., когда велась политика, нацеленная на индустриализацию страны. Не кажется ли вам, что такие параллели в современном глобализованном мире — уж очень большая натяжка?

— Если мы говорим об основах, то история доказывает, что такой принцип был единственно верной успешной стратегией. Эта стратегия имеет долгую историю в России, начиная со времен Петра I. Такую же стратегию — развитие промышленности и инфраструктуры — реализовывали при двух последних российских императорах под руководством Сергея Витте. Он перевел труд германского экономиста Фридриха Листа. В каком-то смысле коммунистическая политика индустриализации была продолжением индустриальной политики, начатой Витте.

Особо выделяю роль бойкотов в истории успешной индустриализации. Мы бы могли называть их “непроизвольной протекцией”. Во время Наполеоновских войн импорт из США сократился более чем на 70%. Это открыло путь развитию собственного производства. Нехватка продукции способствовала индустриализации Латинской Америки во время Второй мировой войны. Даже в Зимбабве доля промышленности достигла 30% ВВП благодаря санкциям, наложенным на страну в те времена, когда она еще называлась Родезия.

Один интересный урок истории США XIX в. выглядит так. Если бы Штаты не провели индустриализацию, сейчас экспортировали бы главным образом сельскохозяйственную продукцию, т.е. были бы главным конкурентом Украины на мировом рынке. Стандарты жизни в США были бы такими же, как и в Украине. Возможно, тамошняя экономика была бы более продуктивна, но огромный “минус” состоял бы в высоких транспортных издержках при поставках на европейские рынки. Для того чтобы иметь доходы выше, чем в Украине, США пришлось индустриализоваться, причем делать это в условиях жесткого протекционизма.

На мой взгляд, неограниченная глобализация приведет к тому, что будет все труднее оставаться страной со средним уровнем дохода.

— В исследовании Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности отмечается, что Украина катастрофически отстает в развитии государственных институтов. Какие рецепты реформ вы можете предложить, чтобы наша страна значительно повысила свои позиции в этом рейтинге?

— Всемирный банк частенько говорит: сначала исправьте институции. Мой опыт подсказывает, что госорганы эволюционируют параллельно с экономической деятельностью. В Венеции был оформлен

расширении внутреннего дохода”. А вот современное определение: *“Конкурентоспособность является мерой преимущества или недостатка страны при продаже своей продукции на международных рынках”*. Контекст состоит в том, что секретариат ОЭСР рассчитывает два разных типа конкурентоспособности, основанных на разнице между стоимостью труда в промышленности на внутреннем и внешних рынках с учетом потребительских цен, выраженных в одной и той же валюте. Почитайте, это есть у них на сайте.

— Каким, на ваш взгляд, будет следующий технологический уклад? Когда в него войдут ведущие экономики мира?

— Несомненно, мы будем иметь техноло-

первый в истории реестр недвижимости и появились первые в мире страховые компании. Это было необходимо, потому что этого требовала структура экономики. Они не придумали сначала страхование, а потом грузоперевозки. Все было наоборот. Поэтому я бы концентрировался на экономической деятельности, а параллельно изменял бы институции, и эти действия усиливали бы друг друга.

А вообще, рейтинги конкурентоспособности сродни “конкурсам красоты”, как некогда сказал Джон Мейнард Кейнс о фондовом рынке. Конкурентоспособность я называю “скользящей концепцией”. Обратите внимание, как почти диаметрально изменилось толкование этого термина Организацией экономического сотрудничества и развития за последние 20 лет. В 1992 г. ОЭСР считала, что *“конкурентоспособность может быть определена как уровень, на котором, при условиях открытого рынка, страна может производить товары и услуги, выдерживающие тест конкуренции на зарубежном рынке при одновременном сохранении и*

гические прорывы и в будущем. Правда, эти процессы очень непредсказуемы. Паровой двигатель, который для нескольких поколений стал источником движения, перед этим длительное время был только насосом, при помощи которого удаляли воду из шахт. Вначале не было никаких очевидных сфер применения для микрочипов. В них видели лишь возможность сделать слуховые аппараты поменьше.

Даже близкие к новым технологиям люди, такие как Вернер фон Сименс и Томас Уотсон, оказались полностью недееспособны, когда дело дошло до предсказания будущего. Тот же Сименс полагал, что электричество никогда не придет в частные дома. Уотсон из IBM, вероятно, никогда не говорил: *“Я думаю, что мировой рынок есть, может быть, для пяти компьютеров”*. Тем не менее он в корне неправильно оценивал потенциал рынков и децентрализации.

Приведет ли широкое внедрение 3D-печати к возврату производств из городов в деревню? Мы это просто должны увидеть.